

The COLD WAR Concept in Visual English-Language Political Discourse: Semiotic Representation and Pragmatics of Internet Memes and Political Cartoons (2020–2025)

Nikita A. Kovalev

MGIMO UNIVERSITY

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The relevance of the study stems from the “visual turn” in political and media communication, where images in the formats of memes and cartoons have become dominant tools for aggregating and constructing political meanings. They offer instantly recognizable cognitive frames for interpreting complex geopolitical processes, such as the confrontation of the collective West with Russia and China. The historical memory of the Cold War serves as a key semiotic resource; however, the specific mechanisms of its visual reactivation, semiotic adaptation, and ideological reworking in digital discourse remain understudied. The aim of the article is to conduct a multi-level analysis of the specifics of the representation and functional load of the COLD WAR concept in visual English-language political discourse. The empirical material comprises a specially compiled corpus of approximately 150 Internet memes and political cartoons that emerged between 2020 and 2025, selected from social networks and digital media. The methodological foundation is an interdisciplinary synthesis, including critical visual analysis, semiotics, intertextuality theory, the framing approach, and speech act theory. The study established that the COLD WAR concept functions as a dynamic cognitive frame whose slots are filled with current content (modern leaders, digital and economic methods of confrontation). This allows for reducing the complexity of a multipolar world to a bipolar model. A stable set of visual patterns was identified: archetypes of nuclear threat (“Doomsday Clock”), strategies of historical parallels, adaptation of classical metaphors (“Iron Curtain”), and the new semantics of technological confrontation. The dominant pragmatic functions are satire and irony (serving both for criticism and for trivializing the threat) and mobilization through the construction of binary “us vs. them” oppositions. An asymmetry in representation was found: the image of Russia is built on allusions to the USSR, while the image of China is futuristic and technocratic. The visual discourse plays not a reflective, but a constitutive role, actively participating in the production and naturalization of the narrative about a “new cold war” through the manipulation of collective memory. This makes it a key field of contemporary symbolic battles.

Keywords: visual political discourse, Internet memes, political cartoons, COLD WAR concept, frame analysis, historical memory, semiotics

For citation: Kovalev N.A. (2026). The COLD WAR Concept in Visual English-Language Political Discourse: Semiotic Representation and Pragmatics of Internet Memes and Political Cartoons (2020–2025). *Linguistics & Polyglot Studies*, 12(1), pp. 8–28. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-1-46-8-28>

Концепт COLD WAR в визуальном англоязычном политическом дискурсе: семиотическая репрезентация и прагматика интернет-мемов и политической карикатуры (2020-2025 гг.)

Н.А. Ковалев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена «визуальным поворотом» в политической и медиакommunikации, где изображения в форматах мемов и карикатур становятся доминирующими инструментами агрегации и конструирования политических смыслов, предлагая мгновенно узнаваемые когнитивные рамки для интерпретации сложных геополитических процессов, таких как конфронтация коллективного Запада с Россией и Китаем. Историческая память о Холодной войне служит ключевым семиотическим ресурсом, однако конкретные механизмы её визуальной реактивации, семиотической адаптации и идеологической переработки в цифровом дискурсе остаются недостаточно изученными. Целью статьи является проведение многоуровневого анализа специфики репрезентации и функциональной нагрузки концепта COLD WAR в визуальном англоязычном политическом дискурсе. Эмпирический материал составил специально сформированный корпус из примерно 150 интернет-мемов и политических карикатур, появившихся в период 2020–2025 годов и отобранных из социальных сетей и цифровых медиа. Методологическую основу составляет междисциплинарный синтез, включающий критический визуальный анализ, семиотику, теорию интертекстуальности, фреймовый подход и теорию речевых актов. В результате исследования было установлено, что концепт COLD WAR функционирует как динамический когнитивный фрейм, чьи слоты заполняются актуальным контентом (современные лидеры, цифровые и экономические методы противостояния), что позволяет редуцировать сложность многополярного мира до биполярной модели. Был выявлен устойчивый набор визуальных паттернов: архетипы ядерной угрозы («Часы Судного дня»), стратегии исторических параллелей, адаптация классических метафор («железный занавес») и новая семантика технологического противостояния. Доминирующими прагматическими функциями выступают сатира и ирония (служащая как для критики, так и для тривиализации угрозы) и мобилизация через конструирование бинарных оппозиций «свой-чужой». Обнаружена асимметрия в репрезентации: образ России строится на аллюзиях к СССР, а образ Китая футуристичен и технократичен. Визуальный дискурс выполняет не отражающую, а конституирующую роль, активно участвуя в производстве и натурализации нарратива о «новой холодной войне» через манипуляцию коллективной памятью, что делает его ключевым полем современных символических битв.

Ключевые слова: визуальный политический дискурс, интернет-мемы, политическая карикатура, концепт COLD WAR, фреймовый анализ, историческая память, семиотика

Для цитирования: Ковалев Н.А. (2026). Концепт COLD WAR в визуальном англоязычном политическом дискурсе: семиотическая репрезентация и прагматика интернет-мемов и политической карикатуры (2020-2025 гг.). *Филологические науки в МГИМО*. 12(1), С. 8–28. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-1-46-8-28>

1. Введение

Актуальность настоящего исследования определяется «визуальным поворотом» [23], [40] в современной политической и медиакоммуникации, где изображения, особенно в лаконичных и вирусных форматах, таких как мемы и карикатуры, становятся доминирующими инструментами агрегации, трансляции и конструирования политических смыслов [43]. В условиях переизбытка информации и преобладания клипового мышления именно визуальные образы предлагают мгновенно узнаваемые, эмоционально окрашенные и легко репродуцируемые когнитивные рамки для интерпретации сложных многомерных геополитических процессов, таких как конфронтация коллективного Запада с Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Визуальный дискурс, таким образом, превращается в эпистемическое поле, где происходит не просто отражение, но активное продуцирование политической реальности [41]. Хотя историческая память о Холодной войне [1], [25] становится неисчерпаемым семиотическим ресурсом, источником визуальных кодов, сценариев и архетипов для осмысления текущих событий, конкретные механизмы этого интертекстуального заимствования, специфика отбираемых образов и их идеологическая переработка в новом социополитическом контексте остаются недостаточно систематизированными в научной литературе. Историческая память о биполярном противостоянии превращается в «словарь образов» и «набор клише», которые подвергаются активной рекомбинации, гибридизации и идеологической переработке в новом контексте. Возникает необходимость экспликации того, каким именно образом концепт COLD WAR репрезентируется в визуальном дискурсе, и какие новые коннотативные значения он приобретает в процессе семиотической адаптации и гибридизации. Однако, несмотря на обширные исследования исторического периода Холодной войны и растущий академический интерес к визуальным исследованиям, систематический анализ конкретных механизмов репрезентации данного концепта именно в современном визуальном цифровом дискурсе остаётся фрагментарным. Недостаточно изученными являются вопросы о том, какие именно визуальные символы эпохи отбираются для реактивации, как они семиотически адаптируются, какие новые коннотативные значения и прагматические функции приобретают в форматах мема и карикатуры, и как, в конечном счёте, эти визуальные практики участвуют в конструировании идеологических нарративов о «новой холодной войне».

Целью статьи является проведение многоуровневого анализа специфики репрезентации и функциональной нагрузки концепта COLD WAR в визуальном англоязычном политическом дискурсе на материале интернет-мемов и политических карикатур, появившихся в период 2020-2025 годов. Для достижения поставленной цели сформулированы следующие взаимосвязанные исследовательские задачи:

1. На основе теоретического синтеза обосновать методологический аппарат, адекватный для анализа полисемантической природы визуальных политических высказываний, оперирующих историческими реминисценциями.
2. Сформировать репрезентативный и сбалансированный корпус визуальных материалов (мемы, карикатуры), эксплицитно или имплицитно отсылающих к семиосфере Холодной войны.
3. Выявить и классифицировать ключевые визуальные образы, символы, метафоры и интертекстуальные отсылки, составляющие семиотическое ядро концепта COLD WAR.
4. Соотнести выявленные семантические признаки и нарративные паттерны со структурными компонентами динамического фрейма COLD WAR, проследив заполнение его слотов новым содержанием.
5. Определить спектр прагматических интенций и коммуникативных функций анализируемых материалов, включая иронию, сатиру, критику, предупреждение и мобилизацию.
6. Эксплицировать механизмы идеологического нагружения визуальных текстов через стратегическую активацию исторических аналогий и манипуляцию коллективной памятью.

Методологическую основу работы составляет междисциплинарный синтез, объединяющий принципы критического визуального анализа [43], семиотическую теорию Ролана Барта с её уровнями денотации, коннотации и мифа, а также теорию интертекстуальности Юлии Кристевой [36]. Данный синтез позволяет рассматривать мемы и карикатуры не как примитивные изображения, а как сложные полисемантические знаковые системы, погружённые в историко-культурный контекст. Дополнительно привлекается аппарат фреймового анализа [22], [34], [39] для моделирования структуры концепта и теория речевых актов [24], [26] для анализа перлокутивного эффекта визуальных высказываний.

Научная новизна работы заключается в фокусировке на комплексном анализе концепта COLD WAR не на вербальном, а на визуально-семиотическом уровне, с привлечением релевантного эмпирического материала из социальных сетей и цифровых СМИ, что адекватно отражает актуальные тренды политической коммуникации в условиях доминирования визуальных практик. Новизна также заключается в синхронном анализе двух ключевых жанров визуального дискурса – мема и карикатуры – в их взаимодополняющем и контрастирующем функционале.

Практическая значимость исследования заключается в предоставлении аналитического инструментария для декодирования идеологических сообщений в современных визуальных форматах (мемах и карикатурах), что позволяет специалистам в области политического анализа, медиакоммуникаций и образования отслеживать ключевые нарративы, понимать механизмы мобилизации общественного мнения через манипуляцию исторической памятью, а также разрабатывать более эффективные стратегии визуальной коммуникации и противодействия манипуляциям в условиях доминирования «клипового» мышления и визуального политического дискурса. Материалы и выводы исследования также применимы в образовательном процессе – в курсах по политологии, медиаисследованиям, визуальной культуре, современной истории и семиотике, где они могут служить иллюстрацией теоретических положений и актуальными кейсами из современного медийного ландшафта.

2. Теоретические основы исследования

Теоретическую основу настоящего исследования образует синтез нескольких взаимодополняющих научных парадигм, позволяющий комплексно подойти к анализу визуальной репрезентации историко-политических концептов. Исходной точкой является признание эпистемологического значения «визуального поворота» (visual turn), концептуализированного в работах У. Дж. Т. Митчелла и Н. Мирзоффа [23], [40]. Митчелл постулирует активную, агентивную природу образов, утверждая, что они «хотят» определённых реакций и сами формируют реальность, в которую мы смотрим [23]. В контексте политики это означает, что изображения являются не просто пассивными иллюстрациями, а инструментами производства и легитимации власти. Мирзофф развивает эту мысль, рассматривая визуальную культуру как арену борьбы за значение, где доминирование и сопротивление осуществляются в том числе через контроль над видимостью [40]. Методологический каркас для работы с конкретным визуальным материалом предоставляет критический визуальный анализ в интерпретации Дж. Роуз. Она систематизирует различные подходы (композиционный, семиотический, дискурс-аналитический) и настаивает на необходимости анализа трёх ключевых аспектов: производства изображения, его собственных формальных качеств и его рецепции различными аудиториями, что позволяет избежать упрощённой интерпретации [43].

Для глубинной деконструкции смыслов визуального сообщения применяется семиотический подход Р. Барта. Его модель, различающая уровни денотации (буквальное, первичное значение), коннотации (культурные, исторические, эмоциональные ассоциации) и мифа (идеологически натурализованное, «очевидное» значение), является ключевой для нашего исследования [7]. Теория интертекстуальности Ю. Кристевой [36], унаследовавшая идеи диалогизма М.М. Бахтина [4], [5], [6], даёт инструмент для анализа того, как мемы и карикатуры строятся на цитатах, аллюзиях и диалоге с предшествующими текстами визуальной культуры – от кинематографа и пропагандистских плакатов времён Холодной войны до современных медиаформатов. Данный синтез позволяет

рассматривать мемы и карикатуры не как примитивные изображения, а как сложные полисемантические знаковые системы, в которых исторические реминисценции вступают в диалог с актуальным политическим контекстом, порождая новые, гибридные смыслы и идеологические конструкции. Каждое визуальное высказывание о «новой холодной войне» погружено в это интертекстуальное поле, и его сила воздействия во многом зависит от способности аудитории распознать эти связи.

Анализ конкретных жанров, а именно мема и политической карикатуры, требует обращения к специализированным теоретическим моделям. Понятие «мем» вводится Р. Докинзом как культурный аналог гена – единица информации, передаваемая путём имитации [12]. В цифровую эпоху это понятие эволюционировало в сторону жанровой определённости. Согласно определению Л. Шифман, мемы представляют собой «группу цифровых единиц, имеющих общие характеристики содержания, формы и/или позиции, которые были созданы с осознанием друг друга и распространяются, имитируются и/или трансформируются множеством пользователей в интернете» [44]. Это определение подчёркивает, что мемы – это не просто картинки, а комплексные единицы (могут включать изображения, текст, аудио и видео). Создатели и распространители мемов действуют в рамках общей культурной осведомлённости о существовании и значении этих единиц, а распространение мемов происходит не просто через копирование, а через постоянную имитацию и трансформацию.

В российской научной традиции С.А. Шомова детально исследует политический интернет-мем как инструмент «войны смыслов», протестной коммуникации и индикатор общественных настроений, подчёркивая его анонимность, лаконичность и опору на общие культурные коды. По С.А. Шомовой, визуальный дискурс обладает уникальной перлокутивной способностью к синестетическому и мгновенному воздействию, апеллируя к эмоциям, коллективным архетипам и бессознательным структурам восприятия, что делает его крайне эффективным инструментом в условиях цифровой среды с её высокой скоростью контент-потребления [29]. По определению С.А. Шомовой, политический интернет-мем – это «специфический жанр интернет-коммуникации; ... отдельные сообщения в новых медиа, представляющие собой реакцию на то или иное политическое событие, обладающие различной семиотической природой (визуальной, аудиальной, вербальной), отличающиеся броскостью содержания и «упаковки», подвергающиеся многочисленному копированию пользователями и спонтанно распространяющиеся в Сети – а потому могущие быть причисленными к феноменам меметической природы» [28, с. 39]. С.В. Канашина акцентирует лингвопрагматические особенности мемов, в частности, эффект обманутого ожидания как мощную коммуникативную стратегию и их роль в карнавализации и театрализации политики. С.В. Канашина определяет интернет-мем как популярную полимодальную единицу интернет-коммуникации, для которой характерно комбинирование вербальных и невербальных компонентов; наличие устойчивой, стандартизированной формы; функционирование, основанное, среди прочего, на прагматическом эффекте обманутого ожидания [14], [15]. Эффект обманутого ожидания получает особый резонанс в условиях парадигмы интернет-коммуникации, по своей сути обладающей «маскарадно-игровым характером» [3, с. 165]. Использование методологического инструментария исследований интернет-коммуникации для изучения политических процессов демонстрирует, что их взаимодействие ведёт к формированию когнитивной модели, фиксирующей ключевую тенденцию: политическая сфера подвергается прогрессирующей театрализации, принимая форму публичного спектакля, в котором нарративные стратегии, основанные на намеренном нарушении ожиданий, выступают центральным драматургическим приёмом. В исследованиях политического дискурса интернет-мемы наделяются тремя ключевыми свойствами. Основопологающим является их повесткообразующая ангажированность – прямая зависимость от актуального политического контекста. Отмечается их карикатурная природа, реализуемая через механизмы сатиры, гротеска и комического нарратива, а также признаётся их коммуникативно-диагностическая функция: мемы служат средством для латентного выражения протеста и одновременно маркером общественных настроений и политических рейтингов [13]. В отличие от авторской политической карикатуры, распространяемой через институциональные медиа, интернет-мем характеризуется анонимностью (или коллективным авторством), высокой

скоростью производства и вирусной репликации, а также тенденцией к карнавализации и абсурдизации политического. Эта совокупность черт трансформирует мем в эффективный инструмент символического дистанцирования от официальных нарративов [16].

Политическая карикатура, в отличие от мема, представляет собой более традиционный, институционализированный жанр с устоявшимися конвенциями (гротеск, гипербола, метафора) и выраженной авторской позицией. Она функционирует как форма редакционного комментария, легитимированная традиционными медиа, и её критика, как правило, носит более структурированный и аргументированный характер. Сравнительный анализ этих двух жанров позволяет выявить, как один и тот же концепт адаптируется под разные логики производства и потребления: от спонтанной, «народной» иронии до профессиональной, медийной критики [2].

В рамках парадигмы данного исследования политический дискурс интерпретируется как специфическая социальная практика, где языковые средства служат не только для репрезентации, но и для активного конструирования властных отношений, легитимации политических действий и формирования гегемонистской картины мира [11], [33]. Базовой структурной единицей этого дискурса выступает концепт – комплексное ментальное образование, интегрирующее денотативную (понятийную), коннотативную (образную) и аксиологическую (ценностную) компоненты [9], [17], [21], [27]. В своей функции концепты реализуются в качестве когнитивных фреймов, организующих восприятие социально-политической реальности и редуцирующих её сложные многомерные феномены до упрощённых моделей, пригодных для массовой коммуникации [8], [37]. По определению Е.С. Кубряковой, «понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания» [19, с. 90]. Концепт COLD WAR рассматривается как динамический фрейм (скрипт/сценарий), то есть мобильная когнитивная структура, описывающая стереотипную ситуацию. Основы фреймового подхода, заложенные М. Минским [39] и адаптированные для лингвистики Ч. Филлмором [34], позволяют смоделировать его структуру (субфреймы и слоты) и проследить, как эти слоты заполняются новым содержанием в современном контексте. Важным для данной работы является понимание идеологемы, разработанное Н.А. Купиной и Г.Ч. Гусейновым, как свёрнутого, готового к воспроизводству идеологического высказывания [10], [20]. Исследование В.М. Амирова и Т.А. Глебович показывает, как идеологема «холодная война» эволюционировала от репрезентации к инструменту активного осмысления текущих событий [1].

Наконец, для анализа прагматического воздействия визуальных высказываний привлекается теория речевых (иллокутивных) актов Дж. Л. Остина и Дж. Р. Серля [24], [26]. Данная теория позволяет выйти за рамки семантики и рассматривать мем или карикатуру не просто как сообщение, а как действие, совершаемое при помощи образа. Визуальное высказывание может выполнять иллокутивные функции осуждения, предупреждения, насмешки, призыва к солидарности. Его перлокутивный эффект – это конкретное воздействие на адресата (вызвать страх, сплотить, заставить задуматься). Такой подход подчёркивает активную, преобразующую роль визуального дискурса в политическом процессе.

Таким образом, теоретические основы исследования заключаются в междисциплинарном синтезе, который позволяет рассмотреть актуализацию исторического концепта COLD WAR в визуальном дискурсе как сложный процесс, в котором пересекаются механика цифровых жанровых форматов, работа коллективной исторической памяти, семиотическое кодирование/декодирование образов и прагматика их политического воздействия, направленного на конструирование актуальной реальности.

3. Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составил специально сформированный корпус визуальных материалов, репрезентативно отражающий функционирование концепта COLD WAR в англоязычном цифровом пространстве в период с 2020 по 2025 годы. Выбор временного промежутка

обусловлен пиком геополитической напряжённости, что спровоцировало взрывной рост соответствующего визуального контента.

Корпус формировался из социальных сетей и мем-платформ, таких как Reddit: (примеры взяты из тематических сообществ (сабреддитов), посвящённых мемам и политике: r/dankmemes, r/PoliticalMemes, r/whenthe, r/technicallythetruth, r/blursed_memes, r/memes, r/PeterExplainsTheJoke и др., что демонстрирует фокус на «народном», пользовательском контенте), Imgflip (крупный агрегатор и генератор мемов, откуда взяты шаблонные изображения), Know Your Meme, ifunny (авторитетные каталоги интернет-мемов, используемые как источники для канонических мемов), Facebook¹ и X/Twitter² (использованы как источники мемов, распространяемых в тематических пабликах). Также в финальную подборку вошли материалы из онлайн СМИ и сайтов издания The Economist (проанализированы обложки и карикатуры за разные годы (2022-2024), что показывает долгосрочное использование концепта в качественной прессе), TVTropes.org (культурологический ресурс) и профессиональные сети, такие как LinkedIn³ (необычный источник для мемов и карикатур, указывающий на проникновение формата в корпоративно-политическую коммуникацию).

Важно подчеркнуть, что эти 19 проанализированных примеров с активными гиперссылками служат иллюстративной выборкой и верифицируемым эмпирическим доказательством из общего, специально сформированного корпуса, который насчитывает около 150 визуальных материалов (мемов и карикатур), что является достаточным для выявления устойчивых паттернов и тенденций. Указанные источники репрезентативно отражают две основные логики производства визуального дискурса: 1) горизонтальную, пользовательскую (соцсети, мем-платформы) и 2) вертикальную, институциональную (онлайн-версии традиционных СМИ). Такой подход позволяет продемонстрировать, как концепт COLD WAR циркулирует и адаптируется в разных сегментах медийного ландшафта – от спонтанного творчества анонимных пользователей до редакционной графики влиятельных изданий.

В финальный корпус включались визуальные материалы (статичные изображения), которые отвечали содержательному и жанровому критериям. Содержательный критерий включает в себя наличие эксплицитной или имплицитной отсылки к символам, сюжетам, персонажам, риторике или визуальной эстетике исторической Холодной войны (образы ядерного оружия и армагеддона, лидеры-антагонисты, шпионы, «железный занавес», риторика сдерживания и взаимного гарантированного уничтожения). Жанровый критерий отображает принадлежность к одному из двух анализируемых жанров – интернет-мему (характеризуется анонимностью/коллективным авторством, шаблонностью, лаконичностью, ориентацией на виральное распространение) или политической карикатуре (имеет выраженного автора, публикуется в медийном источнике, использует классические приёмы гротеска и метафоры). Также был соблюлён баланс с целью обеспечения репрезентативности, применялась стратегия целенаправленной выборки с целью баланса между материалами (мемами и карикатурами).

Исследование проводилось в несколько взаимосвязанных этапов с применением качественных методов:

1. Предварительный отбор и каталогизация, то есть сбор материала, его систематизация по источникам, датам, ключевым темам и персонажам.
2. Семиотический анализ (по Р. Барту) для каждой значимой единицы корпуса: последовательно анализировались уровень денотации (объективное описание того, что изображено (персонажи, объекты, действия, текст)), уровень коннотации (выявление культурных, исторических, политических ассоциаций, вызываемых элементами изображения) и уровень мифа (определение идеологического посыла, «очевидной» истины, которую естественным образом транслирует изображение).

¹ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории РФ

² Социальная сеть заблокирована на территории РФ

³ Социальная сеть заблокирована на территории РФ

3. Интертекстуальный анализ – идентификация конкретных отсылок к предшествующим текстам (фильмы, плакаты, фотографии, другие мемы) и анализ функции этих отсылок (создание иронии, усиление аргумента, апелляция к коллективной памяти).
4. Фреймовый анализ, а именно соотнесение выявленных семантических признаков и нарративных ходов со структурой концепта COLD WAR, представляющего собой динамический фрейм [18, с. 72]. Определялось, к каким субфреймам и конкретным слотам отсылает изображение.
5. Прагматический и функциональный анализ – классификация визуального высказывания по типу иллокутивного акта (осуждение, предупреждение, насмешка, призыв) и определение его предполагаемого перлокутивного эффекта на целевую аудиторию.

Данная многоуровневая методика позволила не просто описать визуальный контент, но и реконструировать сложный процесс смыслопорождения, в котором исторические реминисценции адаптируются для решения актуальных коммуникативных и идеологических задач в цифровой среде.

4. Исследование и результаты

4.1. Ключевые визуальные образы и интертекстуальные отсылки

Проведённый анализ выявил несколько устойчивых и семиотически насыщенных визуальных паттернов, которые образуют ядро репрезентации концепта.

4.1.1. Ядерная угроза как архетипический страх

А. «Часы Судного дня»

«Часы Судного дня» (Doomsday Clock) постоянно визуализируются в мемах и карикатурах, где стрелки показывают время, критически близкое к «полночи». Этот образ выполняет функцию моментального визуального индикатора глобальной опасности, соединяя научный авторитет «Бюллетеня учёных-атомщиков» с эстетикой цифрового апокалипсиса.

На рисунке 1 [35] представлена известная интернет-мем-картинка. На ней два стилизованных персонажа, нарисованных в минималистичном стиле, с широко открытыми ртами и глазами, выражающими удивление. Они расположены на фоне циферблата часов, на котором написано «90 SECONDS TO MIDNIGHT»/ «90 секунд до полуночи». Этот мем обычно используется для иллюстрации ситуаций, когда люди внезапно осознают критичность или опасность положения или когда происходят какие-то стремительные и тревожные события. Персонажи являются вариациями «Wojak» (также известного как «Feels Guy»), популярного интернет-мема. Тот, что слева, обычно ассоциируется с экспертом или знатоком, а тот, что справа, – с обычным человеком, испытывающим сильные эмоции. Циферблат «Судного дня» – это реальный символ, используемый чикагским «Бюллетенем учёных-атомщиков» для обозначения уровня глобальной угрозы человечеству. Установка стрелок на 90 секунд до полуночи в 2023 году была самым близким к полуночи значением в истории часов, что отражает серьёзность текущих мировых проблем, таких как ядерная угроза.

Рис. 1

<https://knowyourmeme.com/photos/2520089-doomsday-clock>

На рисунке 2 [46] изображена карикатура, состоящая из двух кадров. На первом кадре виден циферблат часов с надписью «BULLETIN OF THE ATOMIC SCIENTISTS DOOMSDAY CLOCK»/ «Часы судного дня «Бюллетеня учёных-атомщиков»». Стрелки часов находятся очень близко к полуночи, а фигурка человечка подталкивает часовую стрелку ближе к полуночи. Это символизирует

приближение конца света, согласно «Часам Судного дня». На втором кадре изображён грибовидный взрыв, вокруг которого видны деревья и кустарники, находящиеся в стадии разрушения или охваченные пламенем. Этот кадр является иллюстрацией последствий, к которым могут привести события, символизируемые «Часами Судного дня». С точки зрения структуры концепта, семантические признаки, репрезентирующие угрозу, соответствуют облигаторному субфрейму *Danger*, а также слоту *Nuclear arms* субфрейма *Warfare* облигаторного субфрейма *Methods* концепта *COLD WAR* [18, с. 178].

Б. Красная кнопка

Архетипический шаблон с лидерами у кнопок запуска, являющийся интертекстуальной отсылкой к кинематографу («Доктор Стрейнджлав» С. Кубрика) и медийным фотографиям из Ситуационных комнат. Он транслирует миф о фатальной простоте принятия рокового решения, одновременно карнавализируя ужас через эстетизацию.

Рис. 3

<https://www.linkedin.com/pulse/mister-president-your-nuke-button-bigger-than-his->

ответствуют облигаторному субфрейму *Danger* концепта *COLD WAR*, а информационное противостояние – облигаторному субфрейму *Methods*. Использование в качестве персонажа лидера США отсылает к слоту *Personalities* субфрейма *West* облигаторного субфрейма *Parties* [18, с. 178].

В. Гонка вооружений и ядерная зима

Мемы, обыгрывающие соревнование по поводу количества ядерных боеголовок через популярные шаблоны или отсылающие к концепту «ядерной зимы» через образы из массовой культуры.

На рисунке 4 [31] изображён мем, основанный на сцене из мультсериала «Человек-паук», где два Человека-паука указывают друг на друга пальцами. Надпись в верхней части изображения гласит «THE ENTIRE COLD WAR:»/ «Вся холодная война:». Левый Человек-паук произносит «US: I HAVE MORE

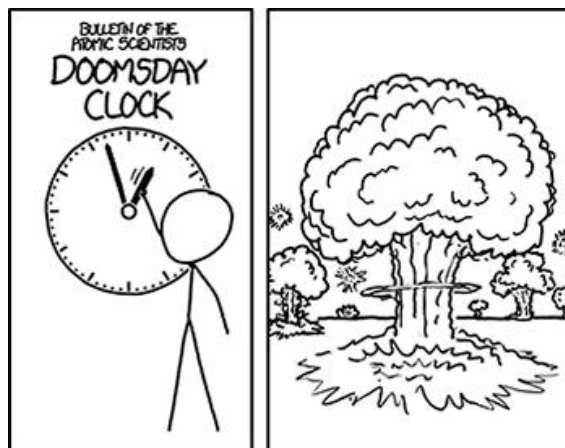

Рис. 2

<https://tvtropes.org/pmwiki/pmwiki.php/Main/DoomsdayClock>

На рисунке 3 [38] изображена карикатура с Дональдом Трампом, сидящим за столом с двумя большими красными кнопками. На заднем плане виден американский флаг и окно. Слева от Трампа стоит мужчина в военной форме. На кнопках написано: «TWEET»/ «Твит» и «NUKE»/ «Ядерный удар». Рядом с кнопкой «TWEET» изображена птичка, логотип социальной сети Twitter⁴, а рядом с кнопкой «NUKE» – изображение ядерного взрыва. Карикатура комментирует склонность Трампа к использованию соцсетей для выражения своих мыслей и решений, а также его полномочия принимать решения о применении ядерного оружия. С точки зрения структуры концепта, семантические признаки, репрезентирующие угрозу, соот-

Рис. 4

<https://imgflip.com/i/5bu5gs>

⁴ Социальная сеть заблокирована на территории РФ

NUKES» / «США: У меня больше ядерного оружия». Правый Человек-паук отвечает «RUSSIA: NO I HAVE MORE NUKES» / «Россия: Нет, у меня больше ядерного оружия». Мем иллюстрирует соперничество между США и Россией (СССР) во время Холодной войны, касающееся количества ядерных вооружений. С точки зрения структуры концепта, данные семантические признаки соответствуют слотам Nuclear arms и Arms race субфрейма Warfare облигаторного субфрейма Methods концепта COLD WAR. Использование кадра из популярного мультфильма в качестве шаблона мема отражает субфрейм Culture факультативного субфрейма Spheres [18, с. 178].

На рисунке 5 [31] представлен мем, шаблоном которого является кадр из фильма «The Shining»/ «Сияние» 1980 года. Главный герой Джек Торренс, которого играет Джек Николсон, находится на фоне заснеженного леса, герой полностью покрыт инеем, на нём и вокруг него видна обильная ледяная корка. Сверху написано: «NUCLEAR WINTER BROUGHT TO YOU» / «Ядерная зима принесена вам», а снизу: «BY JOE BIDEN» / «Джо Байденом». Этот мем – сатирический образ замерзающего персонажа – намек на «ядерную зиму», которая может стать неизбежной в результате

Рис. 5

<https://imgflip.com/i/6w2skm>

ядерной войны из-за усиления конфронтации с Российской Федерацией президентом Джо Байденом, находившимся во главе США в период с 2021 по 2025 гг. Помимо облигаторного субфрейма Danger данное изображение отсылает к субфреймам Culture факультативного субфрейма Spheres и облигаторного субфрейма Temperature, слоту Personalities субфрейма West облигаторного субфрейма Parties и субфрейм Culture факультативного субфрейма Spheres [18, с. 178].

4.1.2. Лидеры и персонажи: механизм исторических параллелей

Помимо традиционных изображений лидеров государств в карикатурном ключе (рис. 3) мемы создают гибриды, стирая границы между политическими фигурами, которые в публичной риторике представлены как антагонисты. Этот приём может сатирически указывать на скрытую общность методов, непоследовательность или неожиданные политические сближения. Примером этому может служить стилизация американского политика Джеймса Дэвида Вэнса под портрет Мао Цзэдуна, что является критикой его предполагаемых авторитарных или популистских взглядов.

На рисунке 6 [42] представлен коллаж, имитирующий стиль официальных портретов Мао Цзэдуна. В центре находится лицо мужчины, одетого в серый костюм с воротником, характерный для многих изображений китайских лидеров. Под портретом размещена строка из китайских иероглифов, написанная красным цветом. Эти иероглифы являются транслитерацией имени Джеймс Дэвид Вэнс на китайский язык. Таким образом, изображение представляет собой сатирический мем, где лицо популярного политического деятеля и вице-президента США Джеймса Дэвида Вэнса заменено на портрет, стилизованный под портрет Мао Цзэдуна. С точки зрения структуры концепта, семантические признаки, репрезентирующие персоналии, соответствуют субфрейму Parties облигаторного субфрейма West концепта COLD WAR, а исторические реминисценции – облигаторному субфрейму Time, в частности, входящему в него слоту Retrospective [18, с. 178].

Рис. 6

https://www.reddit.com/r/PeterExplainsTheJoke/comments/1j750d3/across_a_few_trump_russia_memes_but_is_there/#lightbox

4.1.3. Символы и артефакты: адаптация классических метафор

А. «Железный занавес»

Классическая метафора получает новые интерпретации, переносясь из сферы политики на абсолютно аполитичные аспекты жизни, иллюстрируя социологические тенденции в Европе.

На рисунке 7 [30] представлен мем, состоящий из двух частей. Верхняя часть представляет собой карту Европы времён Холодной войны, показывающую «железный занавес». Легенда карты разделяет страны на следующие категории: «*Founding NATO members*»/ «Основатели НАТО» (тёмно-синий), «*Later added NATO members*»/ «Позже добавленные члены НАТО» (светло-синий), «*Warsaw pact*»/ «Варшавский договор» (красный), «*Socialist non-aligned*»/ «Социалистические нейтральные страны» (жёлтый) и «*Military neutral*»/ «Военно-нейтральные» (серый). «Железный занавес» обозначен чёрной линией, разделяющей Европу на восточный и западный блоки. Нижняя часть изображения представляет собой другую карту Европы, сравнивающую популярность компьютерных игр Fortnite и Minecraft. Страны, где более популярен Fortnite, отмечены синим цветом, а те, где доминирует Minecraft, – красным. Так, образ разделённой Европы служит упрощённым шаблоном для визуализации социологических тенденций вне зависимости от их идеологической нагруженности. С точки зрения структуры концепта, семантические признаки, апеллирующие к ретроспекции, отсылают к облигаторному субфрейму Time, а апелляция к компьютерным играм отражает субфрейм Culture факультативного субфрейма Spheres. Также актуализируются облигаторные субфреймы Ideology и Hostility с входящим в него слотом Opposition [18, с. 178].

Б. Советская символика

На изображении 8 [42] представлен мем, состоящий из двух снимков Красной площади в Москве. Верхний снимок показывает реальный вид площади. Нижний снимок использует ту же основу, но с добавлением множества красных флагов с серпом и молотом, символизирующих Советский Союз. Эти флаги представлены в разных размерах и расположены как на зданиях, так и в воздухе, создавая гротескное и стереотипное изображение России, которое часто встречается в американских фильмах. Надпись «Russia:»/ «Россия:» указывает на реальное представление, а «Russia in American movies:»/ «Россия в американских фильмах:» – на искажённое, голливудское.

Советская символика (серп и молот, красная звезда, флаг СССР) используется в англоязычном визуальном политическом дискурсе как мгновенный семиотический триггер для обозначения образа России в негативном, ретроспективном ключе, даже если официально эта символика уже не используется. Она накладывается на современные реалии, создавая эффект «исторического рецидива». Семантические признаки, указывающие на исторические события, репрезентируют слот Retrospective облигаторного субфрейма Time, а также облигаторный субфрейм Ideology [18, с. 178].

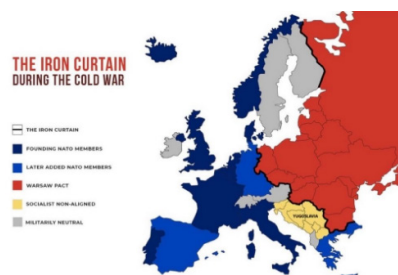

Рис. 7

<https://ifunny.co/picture/the-iron-curtain-during-the-cold-war-4-tne-mow-1ndqRjHI8?s=cl>

Russia:

Russia in American movies:

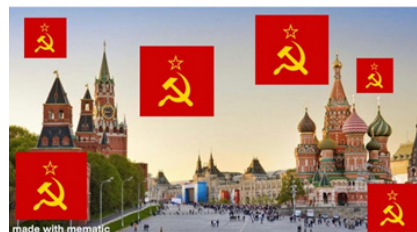

Рис. 8

https://www.reddit.com/r/memes/comments/g8kpig/russia_communist/

4.1.4. Технологическое и экономическое противостояние: новая семантика старых битв

А. «Холодная война в соцсетях»

Популярный мем-сопоставление, где могущественная конфронтация прошлого (ракеты, шпионы, космос) противопоставляется современным методам (запрет социальных интернет-платформ). Этот приём выполняет двойную функцию: с одной стороны, он иронизирует над кажущейся несерьёзностью современных инструментов, с другой – фиксирует фундаментальный сдвиг в пространстве противостояния в цифровую сферу.

На рисунке 9 [42] представлен мем, который сравнивает Холодную войну в период с 1947 по 1991 годы с нынешним противостоянием. Слева изображён мускулистый пёс, на груди которого расположен флаг США. Надпись гласит: «Cold war from 1947 to 1991»/ «Холодная война с 1947 по 1991 годы». Под изображением указаны методы ведения войны того периода: «Missiles, race to space, assassins and spies»/ «Ракеты, гонка в космос, убийцы и шпионы». Справа изображён печальный пёс, также с флагом США на груди, который сидит, опустив голову. Надпись над ним: «Cold war now»/ «Холодная война сейчас». Под этим изображением указаны современные методы ведения войны: «I'll ban your app»/ «Я запрещаю твоё приложение». Мем иронично показывает, как изменились методы противостояния сверхдержав: от масштабных военных и космических гонок до более технологичных и, возможно, менее разрушительных, но все же значимых способов влияния и борьбы.

Рис. 9
https://www.reddit.com/r/dankmemes/comments/i5pecb/bring_the_old_cold_war_back/#lightbox

Рис. 10

<https://www.facebook.com/GarupanMemes/posts/modern-cold-war-sucks-girlundpanzer-garupan-gup-ガールズアンドパンツア-119882980255390/>

Схожим образом это измерение противостояния представлено и в отношении КНР. На рисунке 10 [32] представлен мем, сравнивающий напряжённость времён Холодной войны в 1962 году с ситуацией в 2020 году. Мем разделён на четыре части, каждая из которых иллюстрирует диалог между США и другим государством на фоне их флагов. В верхней части, относящейся к 1962 году, на фоне флага США изображён мускулистый пёс с надписью: «Take away your missiles from Cuba»/ «Уберите свои ракеты с Кубы». Напротив, на фоне флага СССР также изображён мускулистый пёс с надписью: «I DO NOT WANT»/ «Я НЕ ХОЧУ». Это отсылка к Карибскому кризису 1962 года из-за размещения советских ракет на Кубе. В нижней части, относящейся к 2020 году, на фоне флага США сидит печальный пёс с надписью: «- I'm going to ban Tik-Tok»/ «Я собираюсь запретить ТикТок». Напротив, на фоне флага Китая сидит такой же пёс с фразой: «- Then I'm going to ban Twitter»⁵ / «Тогда я собираюсь запретить Твиттер». В ответ на это, американский пёс говорит: «- You already did it» / «Ты уже сделал это», а китайский пёс отвечает: «- Oh yeah, you are right!» / «О да, ты прав!». Этот блок иронизирует над действиями США и Китая по ограничению доступа

⁵ Социальная сеть заблокирована на территории РФ.

к социальным сетям и платформам, намекая на новый виток «холодной войны» в цифровом пространстве. В рамках структуры концепта COLD WAR данные семантические признаки методов противостояния отображены в новых для концепта слотах Cyberwarfare и Information war облигаторного субфрейма Measures [18, с. 178].

Б. Экономические метафоры

Образ «русского медведя» переосмысливается в контексте «медвежьего рынка», связывая политические действия с экономической нестабильностью.

На рисунке 11 [42] изображён медведь в ушанке с красной звездой и золотым лавровым венком. Медведь нарисован в стиле советского плаката, с яркими оранжево-красными оттенками, создающими ощущение силы и напора. В нижней части изображения расположена надпись «THANKS TO RUSSIAN ASSET IS BEAR MARKET NOW. «/ «Благодаря

Рис. 11

https://www.reddit.com/r/PoliticalMemes/comments/1jtxsnq/left_out_in_the_cold_war/#lightbox

российскому активу

сейчас медвежий рынок». «Медвежий рынок» – это термин, используемый в финансах для обозначения периода, когда цены на акции падают на 20% или более от недавних максимумов. Надпись, в сочетании с образом медведя в шапке с советской символикой, намекает на возможное, с точки зрения западных обывателей, негативное влияние российских активов на мировой финансовый рынок.

Карикатуры, изображающие Россию как крепость под санкциями, визуализируют экономическое измерение конфликта.

На обложке журнала The Economist от 27 августа – 2 сентября 2022 года (рис. 12) [45] под заголовком «ARE SANCTIONS WORKING?»/ «Работают ли санкции?» изображён Кремль, стилизованный под крепость, расположенную на скале. Крепость имеет стены из красного кирпича, а на башнях видны купола, напоминающие архитектуру Собора Василия Блаженного. Небо затянуто серыми облаками, что создаёт мрачную атмосферу.

Рис. 12

<https://www.economist.com/weeklyedition/2022-08-27>

Однако, несмотря на серое небо, Собор Василия Блаженного выглядит светлым и ярким, что может свидетельствовать об успехах России в преодолении санкционного давления. В структуре концепта COLD WAR семантические признаки экономических методов конфронтации находят отражение в слоте Economic measures облигаторного субфрейма Methods [18, с. 178].

4.1.5. Образ Китая

Образ КНР визуализируется как футуристический и технократический. Ключевые метафоры – «Большой Брат» с всевидящим оком системы массового наблюдения, технологический и научный прогресс.

На рисунке 13 [47] представлен мем, изображающий стилизованный портрет Си Цзиньпина, нынешнего генерального секретаря

Рис. 13

<https://x.com/DCheng36387164/status/1206630629489569792>

Коммунистической партии Китая и председателя КНР, на красном фоне. Под портретом расположена надпись белыми буквами: «*BIG BROTHER IS WATCHING YOU*»/ «*Большой Брат следит за тобой*». Надпись является отсылкой к роману Джорджа Оруэлла «1984». Таким образом, изображение представляет интернет-мем, выражающий критическое отношение западного сообщества к действующей власти, ассоциируемой с Си Цзиньпином, и указывающий на возможные тенденции к усилению контроля. С точки зрения структуры концепта, использование образа лидера КНР соответствует субфрейму Personalities, а отсылки к «всевидающему оку» – к субфрейму Intelligence облигаторного субфрейма Methods. Использование культурной отсылки к литературному произведению указывает на слот Literature факультативного субфрейма Spheres [18, с. 178].

На обложке журнала The Economist от 1–7 июня 2024 года (рис. 14) [45] изображена горящая лампочка, внутри которой неоновой подсветкой нарисованы звёзды, напоминающие флаг Китая. Заголовок обложки гласит: «*The rise of Chinese science. Welcome or worrying?*» / «*Подъём китайской науки. Приветствовать или беспокоиться?*». Изображение символизирует

Рис. 14

<https://www.economist.com/weeklyedition/2024-06-15>

Рис. 15

<https://www.economist.com/weeklyedition/archive?year=2024>

рост влияния Китая в научно-технической сфере и носит предупреждающий характер.

На обложке журнала The Economist от 13–19 января 2024 года (рис. 15) [45] изображена Земля с высоты космоса. Справа от планеты стремительно летят электромобили, оставляя за собой световые следы, как метеоры. Крупными буквами под названием журнала расположен заголовок «*CHINA'S EV ONSLAUGHT*»/ «*Наступление китайских электромобилей*». Изображение символизирует растущее влияние китайского производства электромобилей на мировом рынке. С точки зрения структуры концепта, научно-технический прогресс находит отражение в слоте Science факультативного субфрейма Spheres [18, с. 178].

4.2. Прагматические функции и тональность визуальных высказываний

Анализ позволил выделить спектр иллокутивных актов, совершаемых визуальными текстами.

4.2.1 Ирония, сатира и абсурдизация

Манипуляция историческими аналогиями становится ключевым механизмом упрощения сложной реальности и конструирования удобного образа врага. Парадоксальным ответом на этот серьёзный, мифологизирующий дискурс становится доминирующая в визуальной культуре, особенно в мем-культуре, тональность иронии, сатиры и абсурдизации. Юмор в этом контексте служит мощным инструментом психологической компенсации, позволяя трансформировать тревогу, вызванную ядерной или геополитической угрозой, в смех и тем самым установить символический контроль над пугающей реальностью. Одновременно он выполняет функцию критики через снижение: используя гротескное преувеличение и деметафоризацию (как, например, буквальное прочтение «холодной войны» [18, с. 126] в виде конфликта с холодильником или мороженым), такой подход разоблачает абсурдность как официальной риторики, так и упрощённых медийных клише, предлагая альтернативный способ осмысления политических нарративов.

На рисунке 16 [42] представлен мем. В верхней части картинки, на белом фоне, написан текст: «*When the Cold War starts and I have to kill my fridge*»/ «*Когда начинается Холодная война, и мне приходится убить свой холодильник*». Ниже, на тёмном фоне, видна крупным планом часть лица мужчины. Он смотрит прямо в камеру, с выражением грусти и решимости на лице. В его руке находится пистолет, направленный вперёд. Это кадр из сериала «Во все тяжкие» (“*Breaking Bad*”), и мужчина на фото – Джесси Пинкман, которого играет Аарон Пол. Мем обыгрывает абсурдность ситуации, сравнивая потенциальную угрозу Холодной войны с необходимостью уничтожить бытовой прибор, что вызывает сильные эмоции у персонажа.

На рисунке 17 [42] представлены два грузовика с мороженым, близко стоящие друг напротив друга и не уступающие друг другу дорогу. Над изображением крупными буквами написано «*THE COLD WAR*»/ «*Холодная война*». Всё это создаёт впечатление некоей «битвы» или противостояния, обыгранное заголовком «Холодная война». Деметафоризация концепта COLD WAR отражается в рамках облигаторного субфрейма Temperature [18, с. 178].

THE COLD WAR

Рис. 17

https://www.reddit.com/r/technicallythetruth/comments/1mxvhy0/the_real_cold_war/#lightbox

на которых изображён американский флаг. В руке она держит тонкую палку, которой как бы подталкивает другие объекты. В верхней части изображения расположены две строки текста: «*C'mon, do something...*»/ «*Давайте, сделайте что-нибудь*» и под ней «*Start World War 3*»/ «*Начните третью мировую войну*». Рядом с палкой, которую держит фигурка, расположены три флага: флаг НАТО, флаг Украины и флаг России. Общая композиция мема намекает на напряжённую геополитическую ситуацию и призыв к эскалации конфликта, причём именно США критически изображается как инициатор этой эскалации. С точки зрения структуры, участники противостояния отражаются в облигаторном субфрейме Parties, а угроза эскалации конфликта – в облигаторном субфрейме Danger [18, с. 178].

4.2.3. Мобилизация и солидаризация

Визуальный дискурс активно конструирует бинарные оппозиции «свой-чужой», «демократия-автократия»,

When the Cold War starts and I have to kill my fridge

Рис. 16

https://www.reddit.com/r/whenthe/comments/1iq777b/cold_war/#lightbox

4.2.2 Критика и предупреждение

Мемы и карикатуры выполняют функцию критики и предупреждения, визуализируя катастрофические последствия возможной эскалации. Образы тревожных предзнаменований направлены не на смех, а на формирование чувства ответственности и необходимости сдержанности.

На изображении 18 [42] представлен мем, состоящий из нескольких элементов. Слева нарисована человеческая фигура в упрощённом стиле, одетая в ковбойские сапоги,

Рис. 18

https://www.reddit.com/r/memes/comments/sfuqky/russia_russia_russia/#lightbox

«свободный мир-империя зла». Яркие, упрощённые образы врага служат сплочению «воображаемого сообщества» сторонников, которые оправдывают коллективные действия и создают морально ясную картину конфликта.

На изображении 19 [42] представлена карикатура, символизирующая противостояние между Европейским Союзом и Россией. Слева стоит фигура, силуэт которой заполнен синим цветом, а на нём расположены жёлтые звёзды, что служит явной отсылкой к флагу Европейского Союза. Фигура держит в руке нож, что может символизировать готовность к обороне или нападению. Справа изображена массивная, мускулистая фигура, тело которой раскрашено в цвета российского флага. Эта фигура вооружена автоматом, что подчёркивает её военную мощь. Карикатура метафорична и отражает напряжённые политические отношения между Россией и ЕС, а также стремление представить Россию в образе непредсказуемой силы, требующей сдерживания. В структуре концепта такая оппозиция представлена в облигаторном субфрейме Hostility [18, с. 178].

Рис. 19

https://www.reddit.com/r/memes/comments/1ndixum/europe_vs_russia_be_like/#lightbox

5. Обсуждение результатов

Проведённое многоуровневое исследование позволило достичь поставленной цели и решить сформулированные задачи, что привело к ключевым выводам.

В отношении методологического аппарата был успешно обоснован и применён междисциплинарный синтез критического визуального анализа, семиотики, интертекстуальности, фреймового анализа и теории речевых актов. Этот комплексный подход доказал свою эффективность в анализе полисемантической природы визуальных политических высказываний. Он позволил не просто описать изображения, но и реконструировать сложный процесс смыслопорождения, в котором исторические реминисценции адаптируются для решения актуальных коммуникативных и идеологических задач в цифровой среде.

Был собран и проанализирован репрезентативный и сбалансированный корпус из примерно 150 визуальных материалов (мемов и карикатур) за период 2020–2025 гг. Отбор из социальных сетей, мем-платформ и онлайн-СМИ позволил охватить как горизонтальную (пользовательскую), так и вертикальную (институциональную) логику производства дискурса, обеспечив полноту картины функционирования концепта.

В плане выявления ключевых образов анализ выявил устойчивый набор визуальных паттернов, составляющих семиотическое ядро актуализированного концепта COLD WAR. К ним относятся архетипические символы ядерной угрозы, лидеры как носители исторических параллелей, адаптированные классические метафоры, советская символика, используемая как триггер для обозначения «рецидива» прошлого, символы нового противостояния (цифровое пространство), экономические санкции и технологическая конкуренция.

В отношении фреймовой структуры концепта подтверждено, что COLD WAR функционирует как динамический и пластичный когнитивный фрейм. Его облигаторные и факультативные субфреймы (Parties, Ideology, Methods, Danger, Spheres и др.) и их слоты активно заполняются новым содержанием. Произошла семантическая трансформация и гибридизация: традиционные субфреймы и слоты (напр., Nuclear arms) сосуществуют или замещаются новыми (напр. Cyberwarfare, Information war), а исторические персоналии замещаются современными. Эта структура выполняет функцию когнитивного упрощения, редуцируя сложность многополярного мира до бинарной, узнаваемой модели прошлого.

В отношении прагматических функций определён широкий спектр иллокутивных актов, совершаемых визуальными высказываниями: ирония, сатира и абсурдизация (преимущественно в мемах) как способ психологической компенсации, критики и демонтажа официальных нарративов; критика и предупреждение (чаще в карикатурах) о катастрофических последствиях эскалации; мобилизация и солидаризация через конструирование бинарных оппозиций («свой-чужой», «демократия-автократия»). Доминирование иронического модуса обладает амбивалентным эффектом: будучи формой сопротивления, оно одновременно может вести к тривиализации и нормализации конфликта.

В рамках идеологических механизмов эксплицированы ключевые стратегии манипуляции коллективной памятью: селективная активация исторических аналогий (выборочное использование образов и символов Холодной войны для демонизации современного оппонента через ассоциацию с устоявшимся «злом»; легитимация политических действий (риторическое приравнение к конфликту прошлого служит моральным оправданием для санкций, информационного противоборства и иных современных мер); создание «удобного» образа врага (редукция сложной политики государств к одному историческому ярлыку блокирует нюансированное понимание и упрощает пропагандистские задачи); стирание жанровых границ (в цифровой среде происходит гибридизация мема и карикатуры, образуя единое семиотическое поле, где анонимные пользователи и профессиональные медиа совместно конструируют визуальную мифологию современной геополитики).

6. Выводы

Проведённый анализ подтверждает центральный тезис о конституирующей, а не отражающей роли визуального дискурса в политике. Мемы и карикатуры не просто иллюстрируют тезис о «новой холодной войне» – они активно его производят и внедряют в массовое сознание, предлагая готовые, эмоционально заряженные и семиотически эффективные образы сложных геополитических процессов.

Концепт COLD WAR является живым изменяющимся фреймом, чья структура оказалась чрезвычайно пластичной и востребованной. Его субфреймы и слоты (Parties, Personalities, Methods, Spheres и др.) выступают как ячейки, которые заполняются актуальным содержанием: именами действующих лидеров; противостоянием в информационно-технической сфере и санкциями вместо гонки ядерных вооружений; идеологемами «автократия против демократии». Данная узнаваемая структура выполняет важную когнитивную функцию: она снижает сложность современного многополярного и хаотичного мира до понятной, биполярной модели, что облегчает навигацию в информационном поле для рядового потребителя, но одновременно упрощает и искажает реальность.

Ирония, содержащаяся в мемах и карикатурах, обладает двойственной структурой. Преобладание сатирической и иронической тональности, особенно в мемах, требует сложной интерпретации. С одной стороны, это может быть формой критического сопротивления официальной пропаганде и милитаристской риторике. С другой стороны, та же самая ирония может выступать как форма нормализации и тривиализации конфликта. Превращение ядерной угрозы в шутку, в шаблон для юмористических мемов, может вести к эмоциональному онемению, к принятию состояния перманентной гибридной войны как новой нормальности, лишённой трагической серьёзности.

Использование исторической памяти в качестве инструмента манипуляции представляет собой высокоэффективную идеологическую практику, в рамках которой интертекстуальные отсылки к Холодной войне превращаются в мощное оружие в современных «войнах памяти». В этом контексте риторическое приравнение современных России или Китая к СССР или КНР середины XX века – это не попытка исторического анализа, а сознательный идеологический приём, преследующий конкретные цели. Он служит, во-первых, для демонизации оппонента через автоматическую ассоциацию с уже укоренёнными в массовой культуре Запада образами «абсолютного

зла». Во-вторых, такая риторика работает на легитимацию собственных агрессивных действий: если противник позиционируется как «империя зла 2.0», то любые меры против него – санкции, информационная война, военная помощь противникам – становятся морально оправданными. В-третьих, этот приём приводит к стиранию специфики, сводя сложную, многогранную и современную политику целого государства к одному исторически отягощённому ярлыку, что блокирует возможность рационального, нюансированного понимания его мотивов и действий. Таким образом, манипуляция историческими аналогиями становится ключевым механизмом упрощения сложной реальности и конструирования удобного образа врага.

Исследование показало, что граница между мемом и карикатурой в цифровой среде размывается. Карикатуры из периодических изданий могут становиться шаблонами для мемов, а вирусные мемы могут заимствовать эстетику и риторику классической пропаганды. Платформы типа Reddit выступают как гигантские лаборатории по производству и тестированию визуальных нарративов, наиболее успешные из которых затем могут быть канонизированы более традиционными медиа. Это создаёт единое семиотическое поле, где профессиональные художники и анонимные пользователи совместно участвуют в конструировании визуальной мифологии современной геополитики.

Работа с таким материалом ставит вопрос о позиции исследователя. Анализ мемов, особенно юмористических и абсурдных, требует баланса между пониманием их внутренней логики и сохранением критической дистанции, чтобы не воспроизводить скрытые в них идеологические клише. Кроме того, быстрая изменчивость интернет-фольклора делает любой корпус моментальным снимком постоянно эволюционирующего процесса, что требует от методологии гибкости и внимания к контексту распространения и рецепции.

Направления дальнейших исследований предполагают комплексное изучение визуальной репрезентации концепта «холодной войны» в России и Китае, объединяющее сравнительный анализ дискурсов для выявления асимметрий, зеркальных образов и точек семиотического противостояния с анализом рецепции, который через методы изучения комментариев и вовлечённости позволит исследовать непосредственные аудиторные реакции на вирусные материалы. Параллельно, с помощью инструментов цифровых гуманитарных наук, таких как анализ больших данных, планируется трекинг эволюции образов для выявления закономерностей циркуляции, трансформации и «жизненных циклов» конкретных визуальных шаблонов в динамике, что должно быть дополнено более глубоким исследованием жанровых трансформаций и взаимовлияния мемов, карикатур, инфографики и других форматов в условиях конвергентных медиа.

© Н.А. Ковалев, 2026

Список литературы

1. Амиров В.М. Идеологема «холодная война»: аспекты функционирования в историческом и современном медиапространствах / В.М. Амиров В.М., Т.А. Глебович Т. А. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 1. С. 80–95. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.005>
2. Артемова Е.А. Карикатура как жанр политического дискурса: автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / Е.А. Артемова; Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2002. 19 с.
3. Асмус Н.Г. Прецедентность интернет-мемов. Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции. 2016. С. 165–168.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
5. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990 (1-е изд. - 1965). 543 с.
6. Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка: статьи. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.
7. Барт Р. Мифологии [Текст] / Ролан Барт; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. Москва: Акад. Проект. Фр. проект, 2010. 351 с.
8. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

9. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 79–95.
10. Гусейнов Г.Ч. Д.С.П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х / Г. Гусейнов. Москва: Три квадрата, 2004. 270 с. (в пер.)
11. Дейк Тён ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Тен ван Дейк; [пер. с англ. Е. Переверзев, Е. Кожемякин]. Москва : URSS, 2013. 344 с.
12. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз; пер. с англ. Н.О. Фоминой. 2-е изд., перераб. Москва: АСТ: Corpus, 2013. 512 с.
13. Канашина С.В. Интернет-мем и политика. Политическая лингвистика. 2017. № 1(61). С. 69–73.
14. Канашина С.В. Эффект обманутого ожидания в интернет-мемах как особая коммуникативная стратегия. Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 10 (187). С. 9–14.
15. Канашина С.В. Интернет-мем и прецедентный феномен // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 4 (193). С. 122–127. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-122-127.
16. Канашина С.В. Интернет-мем и юмор. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 2022. 41(2): с. 317–328. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-317-328.
17. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. 2004. С. 109.
18. Ковалев Н.А. Эволюция концепта COLD WAR в американском политическом дискурсе (на материалах СМИ): 10.02.04 – диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ковалев Никита Александрович. Москва, 2020. 178 с.
19. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г., М.: МГУ, 1996. 245 с.
20. Куприна Н.А. Агитационный дискурс: в поисках жанра влияния / Н.А. Куприна // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. с. 216–233.
21. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 1. Архангельск, 1997. С. 11–35.
22. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
23. Митчелл У. Дж. Т. Иконология. Образ. Текст. Идеология. М.; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2017. 240 с.
24. Остин Дж. Л. Как производить действия при помощи слов / Дж. Л. Остин; пер. с англ. А. Л. Блинова. Москва: Дом интеллектуальной книги, 2021. 350 с.
25. Павленко О.В. Окончание холодной войны в восприятии современников и историков, 1985–1991 / Под ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлевой. М.: РГГУ, 2021. 301 с.
26. Сёрль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
27. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. 3-е изд. М.: Академический Проект, 2007. 992 с.
28. Шомова С.А. Политический интернет-мем: сущность, специфика, разновидности. Бизнес. Общество. Власть. 2015. № 22. С. 28–41.
29. Шомова С.А. «Война мемов»: новые повороты информационного противостояния // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 250–269. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.12>.
30. Ifunny. URL: <https://ifunny.co> (дата доступа: 11.02.2026).
31. Imgflip. URL: <https://imgflip.com> (дата доступа: 11.02.2026).
32. Facebook. URL: <https://www.facebook.com> (дата доступа: 11.02.2026).
33. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language / N. Fairclough. London: Longman, 1995. 265 p.
34. Fillmore Ch. J. Frames and the semantics of understanding. Quaderni di Semantica, 1985. 6 (2). P. 222–254.
35. Know Your Meme. URL: <https://knowyourmeme.com> (дата доступа: 11.02.2026).
36. Kristeva J. Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art / J. Kristeva; ed. by L. S. Roudiez; trans. by T. Gora, A. Jardine, L. S. Roudiez. New York: Columbia University Press, 1980.
37. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 276 p.
38. LinkedIn. URL: <https://www.linkedin.com> (дата доступа: 11.02.2026).
39. Minsky M. A Framework for Representing Knowledge. Winston, Patrick, ed. The Psychology of Computer Vision. New York: McGraw-Hill, 1975. P. 211–277.
40. Mirzoeff N. An Introduction to Visual Culture / N. Mirzoeff. 3rd ed. London: Routledge, 2023. 328 p. <https://doi.org/10.4324/9780429280238>
41. Mitchell W. J. T. What Do Pictures Want? The Lives and Loves of Images / W. J. T. Mitchell. Chicago: The University of Chicago Press, 2005. 380 p.
42. Reddit. URL: <https://www.reddit.com> (дата доступа: 11.02.2026).
43. Rose G. Visual Methodologies: An Introduction to Researching with Visual Materials / G. Rose. 4th ed. London: Sage Publications, 2016. 456 p.
44. Shifman L. Memes in Digital Culture / L. Shifman. Cambridge, MA: The MIT Press, 2014. 200 p. (The MIT Press Essential Knowledge Series).
45. The Economist. URL: <https://www.economist.com> (дата доступа: 11.02.2026).
46. TVTropes.org. URL: <https://tvtropes.org> (дата доступа: 11.02.2026).
47. X/Twitter. URL: <https://x.com> (дата доступа: 11.02.2026).

References

1. Amirov, V. M., Glebovich, T. A. Ideologema «holodnaia vojna»: aspekty funktsionirovaniia v istoricheskom i sovremennom mediaprostranstvakh [The ideologeme “Cold War”: aspects of functioning in historical and contemporary media spaces], *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. [Urals federal university bulletin] Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2023. T. 25, № 1. S. 80–95. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.005> (In Russian).
2. Artemova, E.A. *Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa* [Caricature as a Genre of Political Discourse]: avtoref. dis. ... na soisk. uch. step. kand. filol. nauk / E. A. Artemova; Volgogr. gos. ped. un-t. Volgograd. 2002. 19 s. (In Russian).
3. Asmus, N.G. Pretsedentnost' internet-memov [Precedence of Internet Memes]. *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh: materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* [Word, Utterance, Text in Cognitive, Pragmatic, and Cultural Aspects: Materials of the VIII International Scientific Conference]. 2016. S. 165–168 (In Russian).
4. Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. M.: Iskusstvo. 1979. 424 s. (In Russian).
5. Bahtin, M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura Srednevekov'ia i Renescansa* [The Works of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. M.: Hudozh. lit. (1-e izd. 1965). 1990. 543 s. (In Russian).
6. Bahtin, M.M. *Frejdzizm. Formal'nyj metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofia iazyka: stat'i* [Freudianism. The Formal Method in Literary Scholarship. Marxism and the Philosophy of Language: Articles]. M.: Labirint. 2000. 640 s. (In Russian).
7. Bart, R. *Mifologii* [Texts] [Mythologies] [Text] / Rolan Bart; per. s fr., vstup. st. i komment. S. Zenkina. Moskva: Akad. Proekt. Fr. proekt. 2010. 351 s. (In Russian).
8. Boldyrev, N.N. Kontseptual'noe prostranstvo kognitivnoj lingvistiki [Conceptual Space of Cognitive Linguistics], *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Cognitive linguistics issues]. 2004. № 1. S. 18–36. (In Russian).
9. Vorkachev, S.G. Metodologicheskie osnovaniia lingvokontseptologii [Methodological Foundations of Linguoconceptology]. *Teoreticheskaia i prikladnaia lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. Vyp. 3: *Aspekty metakommunikativnoj deiatel'nosti*. Voronezh. 2002. S. 79–95. (In Russian).
10. Gusejnov, G.Ch. *D.S.P. Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-kh* [I.U.O.: Soviet Ideologemes in Russian Discourse of the 1990s] / G. Gusejnov. Moskva: Tri kvadrata. 2004. 270 s. (v per.) (In Russian).
11. Dejk, Tyon van. *Diskurs i vlast': reprezentatsiia dominirovaniia v iazyke i kommunikatsii* [Discourse and power: the representation of dominance in language and communication] / Ten van Dejk; [per. s angl. E. Pereverzev, E. Kozhemyakin]. Moskva: URSS, 2013. 344 s. (In Russian).
12. Dokinz, R. *Egoistichnyj gen* [The Selfish Gene] / R. Dokinz; per. s angl. N. O. Fominoj. 2-e izd., pererab. Moskva: AST: Corpus. 2013. 512 s. (In Russian).
13. Kanashina, S.V. Internet-mem i politika [Internet Meme and Politics]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics]. 2017. № 1(61). S. 69–73. (In Russian).
14. Kanashina, S.V. Effekt obmanutogo ozhidaniia v internet-memakh kak osobaia kommunikativnaia strategiia [The Effect of Frustrated Expectation in Internet Memes as a Special Communicative Strategy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. 2017. № 10(187). S. 9–14. (In Russian).
15. Kanashina, S.V. Internet-mem i pretsedentnyj fenomen [Internet Meme and Precedent Phenomenon]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. 2018. Vyp. 4 (193). S. 122–127. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-122-127 (In Russian).
16. Kanashina, S.V. Internet-mem i iumor [Internet Meme and Humor]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki i iazykoznaniia* [Journalism, pedagogics and linguistics issues], 2022. 41(2): s. 317–328. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-317-328 (In Russian).
17. Karasik, V.I. Iazykovoj krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. M. 2004. S. 109. (In Russian).
18. Kovalev, N.A. *Evolutsiia kontsepta COLD WAR v amerikanskom politicheskom diskurse (na materialah SMI)* [Evolution of the COLD WAR Concept in American Political Discourse (Based on Media Materials)]: 10.02.04 – dissertatsiia na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Kovalev Nikita Aleksandrovich. Moskva. 2020. 178 s. (In Russian).
19. Kubryakova, E.S. *Kratkij slovar' kognitivnykh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms] / Kubryakova, E.S., Dem'yankov, V.Z., Pankrac, YU. G., Luzina, L. G., M.: MGU, 1996. 245 s. (In Russian).
20. Kuprina, N.A. Agitatsionnyj diskurs: v poiskakh zhanra vliianiia [Agitational Discourse: In Search of a Genre of Influence]. / N.A. Kuprina. *Kul'turno-rechevaia situatsiia v sovremennoj Rossii* [Cultural-Speech Situation in Modern Russia]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 2000. s. 216–233. (In Russian).
21. Lyapin, S.H. Kontseptologiya: k stanovleniiu podkhoda [Conceptology: Towards the Formation of an Approach]. *Kontsepty. Nauchnye trudy Centrokoncepta*. Vyp. 1. Arhangel'sk. 1997. S. 11–35. (In Russian).
22. Minskij, M. Ostroumie i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo [Jokes and the Logic of the Cognitive Unconscious]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Vyp. XXIII. *Kognitivnye aspekty iazyka*. M.: Progress. 1988. C. 52–92. (In Russian).
23. Mitchell, U. Dzh. T. *Ikonologiya. Obraz. Tekst. Ideologiya* [Iconology: Image, Text, Ideology]. M.; Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj. 2017. 240 s. (In Russian).
24. Ostin, Dzh. L. *Kak proizvodit' dejstviia pri pomoshchi slov* [How to Do Things with Words] / Dzh. L. Ostin; per. s angl. A. L. Blinova. Moskva: Dom intellektual'noj knigi. 2021. 350 s. (In Russian).
25. Pavlenko, O.V. and ZHuravleva, V.I. *Okonchanie holodnoj vojny v vospriyatii sovremennikov i istorikov, 1985–1991* [The End of the Cold War in the Perception of Contemporaries and Historians, 1985–1991] / Pod red. O.V. Pavlenko, V.I. ZHuravlevoj. M.: RGGU. 2021. 301 s. (In Russian).
26. Syorl', Dzh. R. Klassifikatsiia illokutivnykh aktov [Classification of Illocutionary Acts]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. 1986. Vyp. XVII. M.: Progress. S. 170–194. (In Russian).

27. Stepanov, YU.S. *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* [Constants: The dictionary of Russian culture] / YU.S. Stepanov. 3-e izd. M.: Akademicheskij Proekt, 2007. 992 s. (In Russian).
28. SHomova, S.A. Politicheskij internet-mem: sushchnost', spetsifika, raznovidnosti [Political Internet Meme: Essence, Specificity, Varieties]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. 2015. № 22. S. 28–41. (In Russian).
29. SHomova, S.A. «Vojna memov»: novye povoroty informatsionnogo protivostoianiiia ["War of Memes": New Turns of Information Confrontation]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Public opinion monitoring: economic and social changes]. 2019. № 5. S. 250–269, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.12>. (In Russian).
30. Ifunny, <https://ifunny.co> (Accessed: 11.02.2026).
31. Imgflip, <https://imgflip.com> (Accessed: 11.02.2026).
32. Facebook, <https://www.facebook.com> (Accessed: 11.02.2026).
33. Fairclough, N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language* / N. Fairclough. London: Longman, 1995. 265 p.
34. Fillmore, Ch.J. Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di Semantica*, 1985. 6 (2). P. 222–254.
35. Know Your Meme, <https://knowyourmeme.com>. (Accessed: 11.02.2026).
36. Kristeva, J. *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art* / J. Kristeva; ed. by L. S. Roudiez; trans. by T. Gora, A. Jardine, L. S. Roudiez. New York: Columbia University Press, 1980.
37. Lakoff, G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 276 p.
38. LinkedIn, <https://www.linkedin.com> (Accessed: 11.02.2026).
39. Minsky, M.A. Framework for Representing Knowledge. Winston, Patrick, ed. *The Psychology of Computer Vision*. New York: McGraw-Hill, 1975. P. 211–277.
40. Mirzoeff, N. *An Introduction to Visual Culture* / N. Mirzoeff. 3rd ed. London: Routledge, 2023. 328 p. <https://doi.org/10.4324/9780429280238>
41. Mitchell, W.J. T. *What Do Pictures Want? The Lives and Loves of Images* / W. J. T. Mitchell. Chicago: The University of Chicago Press, 2005. 380 p.
42. Reddit, <https://www.reddit.com> (Accessed: 11.02.2026).
43. Rose, G. *Visual Methodologies: An Introduction to Researching with Visual Materials* / G. Rose. 4th ed. London: Sage Publications, 2016. 456 p.
44. Shifman, L. *Memes in Digital Culture* / L. Shifman. Cambridge, MA: The MIT Press, 2014. 200 p. (The MIT Press Essential Knowledge Series).
45. The Economist, <https://www.economist.com> (Accessed: 11.02.2026).
46. TVTropes.org, <https://tvtropes.org> (Accessed: 11.02.2026).
47. X/Twitter, <https://x.com> (Accessed: 11.02.2026).

Сведения об авторе:

Ковалев Никита Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №6 МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, политическая лингвистика, исследования политического и медиа-дискурса.
E-mail: nikitakovalyov@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-8706-7499

About the author:

Nikita Kovalev, PhD, is Associate Professor of English Language Department №6, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interests: cognitive linguistics, political linguistics, research of political and media discourse.
E-mail: nikitakovalyov@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-8706-7499

* * *